
Владимир СПЕКТОР

* * *

А вы из Луганска? Я тоже, я тоже...
И память по сердцу — морозом по коже,

Ну да, заводская труба не дымится.
Морщины на лицах. Границы, границы...

И прошлого тень возле касс на вокзале.
А помните Валю? Не помните Валю...

А все-таки помнить — большая удача.
И я вспоминаю. Не плачу и плачу.

Глаза закрываю — вот улица Даля,
Как с рифмами вместе по ней мы шагали.

Но пройденных улиц закрыта тетрадка.
Вам кажется, выпито все, без остатка?

А я вот не знаю и память тревожу...
А вы из Луганска? Я тоже. Я тоже.

* * *

Дым воспоминаний разъедает глаза.
Память о доме, как воздух, закачана в душу.
Дом пионеров. Салют! Кто против? Кто за?
— Ты ведь не струсил поднять свою руку? — Не струшу.

Трусить — не трусить... Любишь вишневый компот?
Помнишь рубиновый цвет и обманчивость вкуса?
Память с трудом отдает. Но зато как поет...
Дым превращая в дыханье. А минусы — в плюсы...

Владимир Спектор родился в Луганске. Редактор литературного альманаха и сайта «Свой вариант». Автор более двадцати книг стихотворений и очерковой прозы, изданных в Донецке, Луганске, Киеве, Москве. Заслуженный работник культуры Украины. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе имени Юрия Долгорукого, имени Арсения Тарковского, имени Сергея Михалкова. Публиковался в журналах «Слово/Word», «Новый континент», «Новый берег», «Радуга», «Сетевая словесность», «Дети Ра», «Связь времен», «Зарубежные задворки», «Этажи», «Берега», «Чайка», «Золотое руно», «Камертон», «Литературная Канада», «Особняк», «Интер-Фокус», «Новый Гильгамеш», «Клазура» и других. С 2015 года живет в Германии.

* * *

Ну, что с того, что я там был...
Юрий Левитанский

Ну, что с того, что не был там,
Где часть моей родни осталась.
Я вовсе «не давлю на жалость»...
Что жалость — звездам и крестам

На тех могилах, где война
В обнимку с бывшими живыми,
Где время растворяет имя,
Хоть, кажется, еще видна

Тень правды, что пока жива
(А кто-то думал, что убита),
Но память крови и гранита
Всегда надежней, чем слова.

Ну, что с того, что не был там,
Во мне их боль, надежды, даты...
Назло врагам там — сорок пятый!
Забрать хотите? Не отдам.

* * *

В своих безбожных небесах
«Шестидесятники», устав от волейбола,
Поют Булата, слушают «Спидолу»,
Читают. Женя, Роберт и Андрей...
Но небеса — темней, темней, темней.
И мрак предательством пропах.

Внизу все тот же неуют.
Чапаевцы, как тени в пыльных шлемах,
Плывут куда-то с капитаном Немо,
И с косами — не ангелы стоят,
И не понять — кто прав, кто виноват,
И что там у костра поют.

Ломают памятники в дым,
И те, кто в небесах, понять не могут,
Зачем, куда, в какую путь-дорогу
Собрались те, кто, перепутав след,
Осваивают тот и этот свет,
Где страшно мертвым и живым.

* * *

«Натюрлих», Савва Игнатъевич,
«Розамунда» плачет, смеясь.
Маргарита Павловна, увы...
Меж количеством и качеством
Нарушена временно связь.
Куда ни глянешь — «рука Москвы»...

Савва Игнатъевич, «фюнф минут»!
Мы идем из войны в войну.
«Не для радости жить нам». Ну, что ж...
Горько там, и не сладко нам тут —
На пути из страны в страну.
Только ты, друг, как прежде, хорош.

Даже когда «с утра — за дрель».
А помнишь — перитонит...
Снова средства нелепы, как цель.
Савва, это душа болит

* * *

Предательство всегда в прекрасной форме.
Ему оправдываться не пристало.
Полузабытый бог геноссе Борман
Простит и даст команду: «Все сначала».

И в жизни, как в недоброй оперетте,
Зловещие запляшут персонажи...
Вновь темнота видней на белом свете,
А свет опять заманчив и продажен.

* * *

Принимаю горечь дня
Как лекарственное средство.
На закуску у меня
Карамельный привкус детства.

С горечью знаком сполна —
Внутривенно и наружно.
Растворились в ней война,
И любовь, и страх, и дружба...

* * *

Эпоха непонимания,
Империя недоверия.
Не поздняя, и не ранняя —
Бесконечная империя,

Где хищники пляшут с жертвами,
То с левыми, а то — с правыми...
Где нужно быть только первыми
И правдами, и неправдами.
В передней.

* * *

Ничего не изменилось,
Только время растворилось
    И теперь течет во мне.
Только кровь моя сгустилась,
Только крылья заострились
    Меж лопаток на спине,
И лечу я, как во сне.
    Как цыганка нагадала:
Все, что будет — будет мало.
    Быть мне нищим и святым.
Где-то в сумраке вокзала
    Мне дорогу указала.
Оглянулся — только дым.
Где огонь был — все дымится.
Крыльев нет. Но есть страница,
Вся в слезах. Или мечтах.
На странице чьи-то лица.
    Небо, дым,
    А в небе птицы,
Лица с песней на устах.
Ветер временем играет.
    Ветер кровь
    Мою смущает
    Наяву или во сне.
Мальчик с узкими плечами,
    Парень с хмурыми очами —
Я не в вас. Но вы во мне.
    Мы с лопатой на ремне
    Маршируем на ученье,
Все слышнее наше пенье.
    Мы шагаем и поем.
О красавице дивчине,
    О судьбе и о калине,
И о времени своем.

* * *

Летучий дым болгарских сигарет —
Забывтый символ дружбы и прогресса.
«Родопи», «Шипка», «Интер», «Стюардесса» —
Не в небесах клубится легкий след,

А в памяти, где тень яснее света,
Где хорошо быть просто молодым,
С беспечностью вдыхая горький дым
Отечества, как дым от сигареты...